

**ПОЗНАНИЕ
КРИЗИСНОГО
ОБЩЕСТВА:
МЕЖДУ
ПАРАДИГМОЙ
ПОРЯДКА И
ПАРАДИГМОЙ
КОНФЛИКТА**

Виктор Щербина

доктор социологических наук, профессор, эксперт SG SOFIA

К вопросу о стратегиях и роли социального познания в ситуации завершения постсоциалистического периода

«Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. ... благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять.» - Лунь юй

«Из мира мертвых фактов ... никакой этической доктрины не получить. Физическая истина никогда не даст моральную доктрину. В силу этого мир фактов казался стоящим по одну сторону, мир моральных целей – по другую, и никакой обнаружимой логической связи между ними не было. Таково было наше теоретическое возражение этическим доктринам, которые мы разбирали. Отделенные от мира фактов, они казались существующими в одиночку, неукорененными и конфликтующими актами своеволия. Перейти в мир фактов для них означало потерять свой этический характер. Теперь же мы пытаемся преодолеть наше затруднение, рассмотрим не мир физических фактов самих по себе, а мир целей. И этот мир мы рассматриваем сейчас не в деталях, а в целом.»

Джосайя Ройс. «Религиозный аспект философии», глава VI «Моральное прозрение» (1885)

Ставший обыденностью перманентный кризис, состояние «бесконечно длящегося настоящего», в которое погрузилась Украина за последние годы, заставляет многих задуматься о том, в чем заключаются не столько текущие проблемы

страны, сколько их источник. В ситуации этого кризиса многие политики, учёные и эксперты говорят о необходимости выработки стратегического видения дальнейших социальных изменений, решения проблем, которые переживает общество.

Известное выражение Сунь Цзы гласит, что «Стратегия без тактики — это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии — это просто суета перед поражением.» **Есть ли в Украине соответствующая жизненным интересам нашего народа современная стратегия решения общественных проблем и на какой основе её возможно выработать?**

Стратегическое видение призвано отражать представление о текущем и желательном положении страны, о путях перехода от текущего её состояния к желаемому. При этом следует принимать во внимание, что разрыв рефлексивной связи с осознанием единства истории чреват опасными последствиями для политического мышления.

Любое стратегирование несет в себе свою онтологию, собственный исторический опыт. В процессе реализации политики Перестройки, к концу 80-х – началу 90-х годов прошлого века, из довольно пестрого состава доминировавших в УССР бюрократических и криминальных групп, сформировался новый украинский политикум, который выработал собственное стратегическое видение. При определенной внешней поддержке в этом вопросе этот обновленный социальный субъект приступил к реформированию тогдашнего социа-

листического общества в новое, «рыночное общество». В рамках имевшихся тогда представлений о будущем как о «справедливом рыночном обществе» начался беспрецедентный исторический эксперимент по переделыванию социалистического общества в рыночное, капиталистическое, которому приписывались самые благостные черты. Социальные метаморфозы, связанные с этим было принято называть «демократическим транзитом».

В 1991 году с обретением государственной независимости, началом приватизации и разворачиванием в средах медиа идеологии этнонационального возрождения, страна вступила в постсоциалистический период своего развития. Это означало, что в рамках социальных институтов, сформированных ещё в период строительства социализма, правящий класс начал реализовывать политики, направленные на создание общества другого типа – с частной собственностью, многопартийной системой, в котором все общественные процессы были бы направлены на получение прибавочной стоимости, соответствующей культурной основой.

В обществе, состоявшем преимущественно из людей, прошедших социализацию в условиях социализма, достаточно долго сохранялись базовые представления о том, что государство в условиях рыночного общества как и прежде будет выполнять свою социальную роль. Люди привычно полагали, что всегда будет действовать вся социалистическая система перераспределения общественного богатства - на нужды пенсионного обеспечения защиты прав трудящихся, останутся бесплатными образование и медицина, общий доступ к природным ресурсам.

Тогдашний правящий класс, будучи вы-

ходящем из социалистического общества, также был ориентирован на эти ценности, принимая их как базовые условия реализации своих интересов, несмотря на всю фактическую противоречивость принципиальных основ собственных социальных интересов этим ценностям.

В рамках этих видений возник консенсус о социальной ориентации будущего рыночного общества. На его основе сформировался своеобразный социальный договор, в рамках которого правящие классы осваивали ресурсы «большой экономики», в то время как населению была предоставлена возможность пользоваться остатками социализма в социальной сфере и формировать собственную «малую экономику», заниматься самовывживанием. Это делало легитимными в глазах большинства народа происходящие перемены.

Период постсоциализма длился достаточно долго – страна и общество в таком состоянии просуществовали четверть века, пережив ряд экономических и политических потрясений, в этом обществе успело сформироваться новое поколение.

Если посмотреть с этой точки зрения на Украину, следует признать одну из альтернатив: либо то видение, которое сложилось на момент получения независимости было верным, и сегодняшнее состояние страны изначально предполагалось, либо же оно было неверным и сегодняшнее состояние страны и жизненного мира людей не предполагалось как таковое. В последнем случае следует признать ошибочным стратегическое видения, с которым страна входила в постсоциалистический период своей жизни и попытаться сделать выводы из этого. **Доведётся ли народу Украины согласиться с тем, что и современное, новое стратегическое видение страны,**

будет столь же далёким от практических результатов в будущем, как и прежде, приняв свою неведомую историческую участь.

Запаздывание в понимании стратегических изменений, стремление любой ценой удержать и удержаться в привычном комфортном мирке, как правило, приводит к организационному ступору, попыткам бесконечно откладывать назревшие и перезревшие решения. Организационный ступор всегда приводит к конкретным провалам, которые не спрячешь за пропагандистской трескотнёй.

«Хотите знать, что будет с Украиной, если у нас будут продолжаться систематические, зачастую тупые и глубокие провалы во всём, начиная от экономики и заканчивая Донбассом и демографией? Что будет при самом плохом негативном сценарии развития ситуации? Как выглядит наше днище? Куда дальше падать, и что мы увидим, когда снизу постучат, а мы откроем? Ответ есть: посмотрите на Ливан и Ирак.» - задаются практическими вопросами о будущем в завершении второй декады 21 века отечественные аналитики. [1.]

Когда в период с 1989 по 1992 годы рушились социалистические режимы, мир был застигнут врасплох. Эксперты говорили о спаде социалистических экономик по меньшей мере с 1970-х, но немногие ждали, что эти режимы вот-вот развалятся один за другим [2.]. Воцарилась неопределённость — что последует за социализмом? Обеспечат ли рыночные реформы триумф капитализма в дальнейшей экспансии неолиберализма? Так это видела Гаятри Спивак в 1990-е годы, когда писала в «Критике постколониального разума»: «Сегодня, в постсоветском мире, приватизация — стержень реструктуризации экономики на пути к глобализации... новая попытка добиться объединения мира через рынок» [3.].

Из этой неопределённости, сразу после распада социализма, возник интерес к постсоциализму и новому началу, которое он должен был означать. «Всё, что мы знаем, является предметом спора. ... И остаётся только гадать, что будет дальше». [4.]

Но социальная мысль в самих постсоциалистических обществах формировалась в атмосфере предчувствия непременно позитивного будущего. Бытовавшее в Украине периода начала независимости видение общества сводилось к представлению о том, что она являет собой некоторую самодостаточную и самовоспроизводящую общественную систему, обладающую исторически своеобразными свойствами, которые должны быть проявлены чуть позже, в результате реформ на пути «демократического транзита». Поэтому думать о том, куда идём было не так важно в сравнении с тем, как идём, какие рецепты использовать и какие действия предпринимать, чтобы «возродить нацию» и выйти на «столбовую дорогу современной цивилизации». Энтузиазм гуманитарного сообщества Украины по этому поводу, его неспособность задаться проблематикой действительной неопределённости исторического будущего, перспективы которого открывались с разрушением социализма, проявил всю глубину распада гуманитарной мысли того времени.

Утвердившийся базовый миф о происхождении как Возрождении Украины, о её «возвращении к себе», ориентировал на поиск того, какие именно социальные качества составляют изначальную сущность «украинства», а какие — нет, какие средства необходимы для развития одного и для отрицания другого.

В такой оптике общество представлялось социальной системой, травмированной революциями и войнами,

искажённой принципами социализма - своего рода «поломанной игрушкой», которую нужно «починить» и «оптимизировать». Из этого представления выводилась и вера в самое такую возможность – сделав шаг «рыночных реформ», попасть в светлое царство - только теперь уже не коммунизма а светлого рыночного капитализма.

Все фактические стороны общественной жизни, которые противоречили такому господствовавшему представлению, объявлялись либо несущественным обстоятельством, внешней чертой, случайностью, либо понимались как результат действия злонамеренных сил, которым нужно твёрдо противостоять. Иногда несоответствующие факты виделись как рудимент прошлого, который уйдет в историю сам по себе по мере нарастания успехов нового и правильного рыночного уклада жизни страны.

Существенно для того периода, что подавляющее большинство участников общественной жизни, будучи носителями общих гуманитарных понятий и категорий, усвоенных в период своего советского прошлого, воспринимали происходящее со страной и с ними в оптике общих социальных категорий, более или менее общими для себя способами.

В данном случае несущественно - позитивно, негативно или нейтрально люди относились к происходящему и с ними и со страной. Существенно, что они видели одинаковые очертания самого общества, жили субъективно в общей реальности и переживали общую повестку.

По умолчанию господствовало представление, согласно которого все люди одинаково понимают что такое собственно сама Украина – подобно тому, как все согласны, что небо синего цвета, а трава – зеленого. Это представление выражалось среди

прочего и в убежденности о том, что непременно найдется «национальная идея» - выражение смысла общественной «жизни по-украински». Действовал также выработанный в предыдущую эпоху негласный мировоззренческий эсхатологический консенсус относительно того, что стране уготовано непременно светлое будущее, в которое можно попасть, перенеся относительно короткий период тягот и лишений.

Однако с годами в практических ситуациях все чаще проявлялось, что бытовавшее общее видение далеко не всегда позволяло удовлетворять жизненные потребности всех его носителей. «Тяготы и лишения» рыночной трансформации становились все более различными для различных категорий, падение жизненного уровня приобретало характер затяжного прыжка, светлое будущее отступало все дальше. Падал жизненный уровень, горизонт понимания будущего становился всё туманнее, его место занимал политический «мыльный сериал» в виде бесконечных политических интриг, нескончаемых разборок бизнес-групп в категориях идеологических битв за исторический реванш. Это вызывало новые напряжения, консенсус видения страны распадался.

По мере углубления процессов «демократического транзита» всё в большей степени проявлялось, что образующие Украину люди понимают её самым различным образом, опираясь на свои собственные (как им представляется) знания и опыт. Со временем в процессе политических баталий между группами расколовшегося политического класса эти различные видения были доведены до крайних форм выражения и, наконец, до взаимоотрицания в формах идеологического сознания.

В процессе реформаторских метаморфоз бывшее социалистическое (бесклассовое)

общество трансформировалось таким образом, что в нем возникли новые группы с новыми экономическими, политическими и культурными представлениями. В постсоциалистическом обществе сформировались группы с интересами капиталистического, рыночного общества. **Социальные институты и связанные с ними политические идеологемы перестали соответствовать интересам правящего класса, что вызвало социальное напряжение в обществе.** Оформление уже этой социальной ситуации постсоциалистического общества вызвало запрос на радикально-националистические идеологические конструкты.

Кроме того, по мере того, как прежде единый народно-хозяйственный комплекс становился собственностью отдельных лиц и групп, ориентированных на свою частную прибыль, уходила объективная основа многих социальных институтов, отпадала необходимость регулятивных процедур. **Люди, связанные прежде производственными цепочками, существовавшими на территории страны, в процессе их разрушения переставали жить в единой экономической реальности, возникали новые, связанные уже с рыночными процессами, но не выраженные еще в массовом сознании, различия между группами людей на уровне их социальных интересов.**

Новые различия символически оформлялись также в языке национальной культуры и региональных субкультур, чем пользовались группы правящего класса для собственной легитимации.

Одним из символических представлений состояния этого внутреннего раскола стал лозунг «єдина країна – єдина страна» и призывы «сшивать страну» на основе формулы «Армия-Мова-Вира». Такая «сшивка» в данный период видится исключительно

бюрократически – то есть на пути усиления процедур государственного политико-правового регулирования сферы общественной идеологии и процессов массовой коммуникации. Вся недавняя история показывает, что перспективы успешности этого пути весьма проблематичны, но это не останавливает новых энтузиастов строительства закрытого общества.

В то же время политические и правовые формы организации страны оставались прежними – их, как лед при ледоходе, и начало взрывать половодье политических активистов нового поколения, которое в событиях 2014-19 г.г., войдя во власть, стало одним из новых субъектов социальной жизни. (Это политическое поколение пока ещё действует в прежней исторической повестке, но уже вскоре будет вынуждено искать пути её обновления или изменения.)

Социальные расколы, формировавшиеся по различным признакам достаточно давно, стали в 2014-19 г.г. политическим фактом и предметом публичной политики, но лишь после победы В. Зеленского и его команды начала отторгаться ставшая пустой скорлупа постсоциалистических нормативно-ценностных политических и правовых комплексов, ранее регулировавших процессы общественной жизни постсоциалистического общества.

Государство, имевшее двойственную природу (по форме постсоциализм, по содержанию капитализм), стало приобретать окончательные черты инструмента национальных и транснациональных групп капитала, освоивших страну как свой ресурс.

Возможно ли в сегодняшней ситуации выработать единый способ понимания того, чем является Украина и чем она должна быть для народа в целом. Если это невозможно, то как быть в этом

случае? На основе какого рода знания возможно найти ответы на подобные вопросы и выстроить новые общественные практики? Зависит ли эта возможность от характера самого общества, его состояния в конкретный период?

С точки зрения здравого смысла кажется разумным предположить, что единый способ понимания общества возможен, если все люди, его образующие, ведут какой-то единый способ жизни, находясь в общих жизненных обстоятельствах, усваивая единую доступную им трактовку происходящего в виде общего текста культуры и идеологии. Но это абстрактное представление, далекое от реалий практики общественной жизни. Даже братья-близнецы, выросшие в одной семье, различаются порой до противоположности - о чем можно говорить, когда речь идет о миллионах людей. В современном открытом, глобализированном, мире люди, живущие в одном обществе, включены в различного масштаба практики экономической, политической, территориальной, культурной, исторической жизни.

Кто-то работает в транснациональной корпорации, кто-то участвует в вооруженном конфликте (бывает, что это одно и то же), кто-то занят в бизнесе национального или локального характера, кто-то безработный, учится или же находится на пенсии - все эти люди имеют объективно разные жизненные возможности, проблемы и интересы, являясь при этом гражданами Украины. Более того, характер подобных жизненных позиций становится все более разнообразным, что позволяет в известной мере говорить о индивидуализированном обществе.

Такой социальный мир уже давно сделал и делает всё более невозможным «единственно верный» взгляд на проис-

ходящее в нем. Либо же этот «взгляд» становится поверхностным пустым символом, политической манипуляцией, идеологической гримасой «служения», а по сути бюрократической фикцией.

Когда-то монопольно выработыванием и насаждением в головы людей единственно верной картины происходящего в обществе занималась церковь, позже - институты государственной идеологии. Но и в те далёкие а также недавние времена во всех обществах существовали альтернативные видения происходящего - в народной культуре, альтернативных верованиях, движениях протеста.

Тем более странными выглядят попытки установить единомыслие сегодня. Любое представление о существовании обществ, образуемых людьми с одинаковым видением происходящего - не более, чем идеологический конструкт. Во все времена в общественном сознании можно наблюдать не только идеологическое, религиозное, мировоззренческое разнообразие, но и разнообразные проявления конфликтности, борьбы в этой сфере. Отдельный вопрос - как именно люди видят это разнообразие, на каких общих представлениях оно основано.

Существует множество средств и способов описания общества - чем более многообразно само общество, тем многообразнее эти средства и способы.

Противоречивые картины видения одного и того же общества могут находиться в различных между собой отношениях - дополнять друг друга, противоречить или даже исключать. В зависимости от этого формируется и поведение их носителей, поскольку сами видения общественных процессов, как правило, соотносятся с жизненными интересами участвующих в них людей.

Единство общества также может представляться различным образом и зависит от состояния отношений между различными интересами. **В одном случае под единством понимают подчинение всех образующих общество людей единой воле, выражаемой единственно верным способом, в другом – как сотрудничество и взаимодополнение, в третьем – как игнорирование противоречий и сосредоточение каждого на своем способе видения происходящего.**

Все это зависит от того, в каком состоянии находится народ и государство в конкретном, исторически возникшем периоде своего существования.

На стадии выхода из прежней и образования новой общественной системы доминирует первый тип видения единства – именно за собственный вариант его утверждения ведут борьбу участники гражданских конфликтов.

На стадии развития утвердившейся новой модели общественного устройства доминирует второй тип видения единства, а на стадии упадка и кризиса – третий.

Соответственно, **исследовать процессы, происходящие в общественном сознании, возможно путем применения адекватных специфике этих типов видения исследовательских стратегий и инструментов.**

В первом случае, чтобы исследование давало адекватные природе исторического состояния общественных процессов результаты, необходимо описывать его в логике различия интересов, конфликтов и борьбы между ними с целью утверждения новой модели общественного устройства.

Во втором – в логике развития этой модели и формирования на её осно-

ве единой социальной системы, в рамках которой происходит обустройство множества жизненных миров.

В третьем адекватным будет путь исследования общества в логике взаимодействия идентичностей, описания средств и форм индивидуализации, а также возникновения аномии и оснований кризиса утвердившейся ранее системы социальной организации жизни народа.

В этой логике можно сформировать гипотезу о том, что Украина как часть современного мира, переживающего состояние кризиса мироустройства, находится в фазе перехода от третьей к первой фазе.

«Постсоциалистическое общество» завершилось формированием множества социальных конфликтов, носители различных социальных интересов втягиваются в них объективно, чаще всего вопреки своей воле и рефлексивно - по принципу «никто не хотел воевать, война была неизбежна».

Участники общественной жизни действуют, осознавая причины конфликтности самым различным образом - от Божьей воли до борьбы классов или заговора внешних и внутренних врагов а то и в силу простой исторической случайности, ошибки конкретного политика. Это не дает возможности сформировать общую повестку и вступить в диалог по её поводу. Как и бывало ранее, участники понимают происходящее, видят начинающиеся процессы как «временные трудности и отклонения», либо как открывшуюся возможность, открывающую перспективу собственной скорой победы в борьбе за место в системе.

Бытовавшая прежде широкая относительно толерантная картина множественности жизненных миров становится неприемлемой, видение социальных перспектив начинает сворачиваться до горизонта собствен-

ных социальных интересов и участники событий начинают видеть социальную реальность сквозь призму упрощенных идеологических формул или лозунгов. В такой ситуации практики политической жизни формируют запрос на идеологическую доктринированность действующих субъектов – сначала общественных движений и партий, а вскоре и государства.

Предельно упрощенные представления о том, что собой представляет общественная жизнь вообще и жизнь Украины в частности весьма характерны для нашего времени. Будучи лишены «общепонятной и общеприемлемой» картины происходящего, люди подхватывают те способы его объяснения, которые им представляются наиболее убедительными и понятными.

Сложнейшие по своей природе, меняющиеся под воздействием множества факторов на протяжении длительных исторических периодов, социальные структуры и миры общественной жизни человечества предстают в сознании человека как разрозненные сюжеты, не связанные между собой ничем кроме формальных обстоятельств места и времени плоские одномерные картинки экономической, политической и повседневной жизни.

В самом по себе таком упрощении нет ничего необычного, люди пользуются стереотипными представлениями. Проблемы начинаются, когда такое видение охватывает экспертное сообщество – тех людей, которые в силу своей деятельности должны удерживать в сознании факт сложности общественной жизни, изучать эту сложность с применением методов, соответствующих её характеру и текущему состоянию, а затем на основании полученного знания предлагать квалифицированные решения текущих и перспективных проблем с точки зрения реализации жиз-

ненных интересов людей обществ, к которым они сами принадлежат. Как принято сейчас выражаться, «с этим всё сложно».

В новейшей истории Украины сложилось так, что логика упрощения образов её социального обустройства вообладала не только в мире повседневных представлений, но и в профессиональных сообществах гуманитариев, занятых процессами социальной рефлексии. Это характерно для всех современных обществ, но в Украине упрощение было едва ли не наиболее контрастным.

Общественное сознание народа, образовавшего в XX веке одну из наиболее индустриально развитых, этнически многообразных стран Европы, представители политического класса (элит) поместили в медийную парадигму представлений о себе, созданную с использованием понятий и категорий периода буржуазных национальных революций XIX века.

Постсоциалистический период жизни Украины охарактеризовался тем, что актуальные образы украинского общества, образы должного и сущего в общественной жизни, формировались в рамках парадигмы либеральной идеологии «рыночного общества» (по сути капитализма) на основе преимущественно исторических представлений, живущих в народном сознании, исторических повествований и структур альтернативной исторической памяти. Этот мыслительный материал использовался для легитимации процессов «национального возрождения» с 1991г. при активном отрицании всего, что связывало народ с индустриальным периодом его жизни в XX веке. На этой основе формировались практики легитимации новых процедур государственного управления жизнью народа со стороны возникших правящих групп. Новейшая

Украина в этой оптике виделась как восстающий из исторического небытия альтернативный по отношению УССР социальный конструкт - «истинная», соответствующая глубинным народным чаяниям и потребностям, «настоящая» Украина. Качественные свойства этого желаемого нового социума виделись как уже изначально данные в истории. При этом выразить их в виде стройной системы понятий и категорий так и не смогли – за весь период «постсоциалистической жизни» не сформировали ни гуманитарной политики, ни завершили поиска «национальной идеи». Но существовал консенсус относительно того, что проявлению этих предполагаемых свойств в жизненных мирах людей должны были служить происходившие в реальной экономической, политической и культурной жизни общества перемены. Соответственно этому процессы изменения социальной реальности виделись как восстановление исторически присущих, бытовавших задолго до живущих ныне поколений, социальных свойств «исторической Украины». Казалось бы ушедшие в историю образы составили повестку дня конструирования мира живущих поколений. Эта особенность ориентации гуманитарной мысли была институционализована во множестве исследовательских проектов исторического и культурологического типа.

Социология и социальная философия участвовали в этих проектах преимущественно как средства аргументации и обоснования заранее предустановленного концепта национального возрождения. Обращаясь к известной притче, можно сказать, что гуманитарии оказались в положении слепцов, заранее убеждённых в том, что они знают как именно выглядит слон, которого они ощупывают и видящих свою задачу лишь в том, чтобы найти и выразить заранее заданные свойства этого

слона в их чувственно-предметном выражении. Мысль о том, что это может быть не слон, а иное животное, а то и несколько разных, изначально отсутствовала. Перечень свойств «слона» задавался официальной идеологией (которой не было), где Украина представала как исторически существующее с незапамятных времён самобытное социальное образование, качественно культурно и географически отдельное от окружавших её по состоянию на 1991 г. стран. Эта общность мыслилась изначально как образованная не в силу предшествовавших исторических процессов, а натуралистически - на основе особой, присущей живущим на этой территории индивидам, ментально-культурной идентичности, выражаемой прежде всего в языке, в приверженности к сонму тех исторических героев, деятельность которых состояла в борьбе с исторической Россией. Последняя также понималась и описывалась как общность с изначально известными и заданными неизменными качественными свойствами.

Такой образ Украины во-первых, восходил к политическим процессам и потребностям правящего класса и, во-вторых, содержал в себе свое-иное, собственное отрицаемое начало – образ России как «исторического врага».

В рамках такой парадигмы развернулось дискурсивное пространство описаний социальных процессов, составляющих Украину как систему социальных институтов, жизненных миров и идеологических представлений о том, что происходит с обществом и людьми. То, что эмпирические данные и факты порой противоречили этому дискурсу не вызвало особой озабоченности – ведь речь шла о будущей Украине, которая только должна возродиться, избавившись

от не присущих ей негативных явлений. О реальных причинах такой убедительности люди задумываются крайне редко, тем более что чем примитивнее бывают их представления, тем с большей искренностью они их исповедывают (правда, чаще на словах, чем на деле). Социальные институты, порождающие и поддерживающие массовые представления также редко становятся предметом внимания, не говоря уже о средствах, которые они используют при производстве своего продукта – знания о обществе.

К этим средствам относятся, в частности, социальные понятия и категории, а также теоретические подходы и построения, используемые профессиональными сообществами, которые в актуальном времени описывают и представляют в средствах массовой информации образы общественных процессов. В идеологической оптике конкретных теорий факт существования общества становится «ясным и понятным» для всех образующих его людей. До поры, пока эти представления не становятся препятствием для практической жизни.

Критичной проблема выбора средств познания общественных процессов становится в периоды исторических изменений и обусловленных ими общественных конфликтов. В первом случае некритичный выбор приводит к тому, что в общественном сознании неразличимо старое и новое – их путают, принимая одно за другое, что приводит к путанице поведения в различных сферах общественной жизни. В случае с конфликтами неадекватные способы их изучения и понимания приводят к тому, что люди неправильно понимают причины и сущность конфликта, не способны воспринимать различные стороны а также логику его развития и возможный путь разрешения. (Впрочем, даже правиль-

ное понимание часто не спасает от конфликта имеющего объективную природу.)

Все это ведёт в конечном итоге к расширению и усилению конфликтности, делает какие-то её составляющие необратимыми, а какие-то неразрешимыми. В этом случае общество вынуждено платить высокую цену и жить с травмой конфликта.

Украина уже длительный период переживает хронический институциональный кризис, природа которого исследуется недостаточно, а сам дискурс в отношении конфликтности выстроен в оценочно-бюрократической форме. В массовом сознании существует знание о факте самого кризиса (например, социологические данные о критически низком доверии к институтам, экспертные оценки) и различные его интерпретации – чаще всего путем указания на внутренних и внешних «врагов Украины». Находящееся в состоянии социальной аномии общество (когда нормы и правила совместной жизни люди знают, но им не следуют) сегодня описывается в виде множества данных эмпирических исследований, в качестве предмета которых понимается все та же прежняя социальная реальность. В утвердившейся оптике социальных исследований Украина видится как живущее своей жизнью, социально гомогенное, целостное и гармоничное целое, но находящаяся в необычном состоянии временного упадка, за которым последует восстановление и подъем. При этом никого совершенно не смущает и другой дискурс, в котором речь идёт уже о процессах социальной трансформации как самых существенных для современности.

Основным идеологическим аргументом в данном случае выступает политический «символ веры», который заключается в том, что все население Украины, для того, чтобы осуществиться как еди-

ное общество-нация, просто обязано приобрести некую обязательно единую, истинную, но пока еще в практике жизни не существующую, выраженную преимущественно в мифологических формах, украинскую национальную идентичность, системообразующим началом которой выступает украинский язык и связанный с ним массив культурных артефактов.

Ориентированная на описанный выше образ национального возрождения, гуманитарная мысль игнорирует тот факт, что процессы трансформации, происходившие на протяжении предыдущего исторического периода, не могли не привести к появлению новых социальных субъектов. Эти новые субъекты в своих отношениях и породили кризис политической системы, проявившийся и в предпосылках к вооруженному конфликту, поставившим под вопрос существование собственно Украины как единого общественного образования. Ориентированное на образ прошлого Украины не-России сознание не проблематизирует настоящее в качественно-своих ему категориях, поскольку категориально устроено так, что не ориентировано на их поиск и описание.

Что такое Украина сегодня – это прежняя «большая Украина», оформившаяся во времена СССР либо это уже новая, «малая Украина» без Крыма и Донбасса, которую готовы сформировать возникшие в процессе разворачивания конфликта новые социальные силы? Может это недо-Украина без Кубани и земель, находящихся под Польшей? Что собой представляет это общество после завершения постсоциалистического периода, каковы исторические тенденции его дальнейшего изменения, каковы движущие силы и механизмы нынешних об-

щественных изменений? Ответы на эти вопросы по-прежнему ищут и находят в логике политической целесообразности, они не опираются на корпус социального знания о том реальном «слоне», с которым имеют дело описывающие его «слепцы».

Все чаще оказывается, что предполагаемые в головах политиков и медиаэкспертов свойства украинского общества отсутствуют в практиках жизни образующих его людей. В социально-политическом дискурсе общество предстаёт как описанная в политических абстракциях целостность, наряду с которой существуют её друзья и враги. Реальные же люди во всей палитре социальных отношений между ними, возникающих в процессе удовлетворения их жизненных потребностей, выглядят как фон, на котором конструируется этот образ. Эта другая – живая но неизвестная Украина порой прорывается в медиа-пространство, где проявляет себя в виде множества социальных фактов – снижения рождаемости, эмиграционного бегства, массового уклонения от службы в вооружённых силах, уличной и бытовой преступности, коррупции и тому подобных реалиях. Эти реалии не рассматриваются как нечто, присущее собственно обществу, на них смотрят как на не присущие социальной реальности девиации – отклонения случайного или преднамеренного характера.

Чтобы выйти из этого замкнутого круга мнений, видений и представлений, необходимо применить научный, социологический метод познания. Классик социологической мысли Эмиль Дюркгейм в книге «Правила социологического метода» заметил, что «Научный подход к социальным явлениям для нас настолько непривычен, что некоторые из тезисов данной книги могут немало удивить читателя. Однако от социологии как от науки мы ожидаем

не простого изложения старинных народных предрассудков, а нового, иного на них взгляда, ибо цель любой науки — открытие, а каждое открытие — это в той или иной мере удар по устоявшимся воззрениям».

Социология – наука, которая имеет миссию, состоящую в том, чтобы вырабатывать рациональное знание о социальной реальности и участвовать в формировании её рационального образа, что, в свою очередь, было бы условием осознанного, рационального взаимодействия между людьми. Общество – это порядок отношений между большими группами людей, который не очевиден, который разными людьми видится различным образом.

Не следует забывать и то, что рациональные средства могут быть использованы и для создания иррациональных целей – такое в истории случалось неоднократно. Но в качестве предпосылки научного подхода к изучению общества предполагается, что, обладая рациональной картиной происходящего, люди смогут руководствоваться в своей деятельности осознаваемыми целями, смогут разумно согласовывать их с другими людьми и достигать их в совместных действиях, разумно относясь к их возможным последствиям. Разумеется, это недостижимый идеал, как и все идеалы – но следование ему ведет к поиску и нахождению разумных компромиссов между людьми, делает возможным вовлечение и сосуществование множества разнородных общественных процессов в лице их участников.

Любая наука, любое знание, получаемое на её основе – это лишь предпосылка, одно из условий человеческой деятельности. **Но это условие, наряду с другими объективными и субъективными условиями, открывающее коридор возможного вразрешении проблем, поставленных историческими процессами современности.**

Исторически складывается так, что объективные условия сегодня направлены скорее против социологии как науки, хотя вполне благоприятны для социологии как инструмента идеологического воздействия на массы. Превенная структура обустройства общества уходит в прошлое и вместе с ней уходят в прошлое прежние основания рациональности индустриальных обществ, сформированных к середине XX века. Рациональность индустриального общества требовала определенной парадигмы социологического знания, позволявшей эту рациональность описывать и делать фактом сознания участников общественной жизни.

Разумеется, ни одна из картин общественной реальности не охватывает умственную и практическую жизнь общества целиком, но в определенные периоды одна или несколько таких картин могут доминировать в сознании современников. Так, во второй половине XX века доминировала картина общественной жизни, согласно которой общество – это единая целостная система нормативно-регулятивного характера, которую можно описать в рамках структурно-функционального подхода. Своеобразным дополнением, своим-иным этой картины были постмодернистские видения общества как исключительно технического термина. И та и другая картины, пережив фазы зарождения, роста, расцвета, пришли к угасанию вместе с теми социальными реалиями, которые они описывали.

Во втором десятилетии нового века эта исчерпанность проявила себя во всей полноте, составив повестку дня уже не кабинетных ученых, но действующих экономистов и политиков, различных религиозных и медиа-деятелей.

При этом важно заметить, что кризис рациональности определенного историче-

ского типа был воспринят как кризис рациональности как таковой, что привело к взлету интереса к иррациональным способам рефлексии общественных процессов.

Все это составляет сумму исторических обстоятельств, которые сегодня работают против социологии. При этом объективный запрос на научное знание о новых реалиях огромный, поскольку стал фактом также кризис прежних социальных институтов – прежние нормы и ценности не работают как регуляторы поведения масс, а как и какие новые выработать неизвестно. Обращение к традиции как средству общественного управления и самоуправления в ряде случаев компенсирует кризис (например, институт общинного самоуправления), но в целом лишь усугубляет ситуацию, поскольку дискредитирует саму традицию, когда её представляют в одеждах общезначимой универсальной идеологии.

В таких условиях социология выступает либо инструментом углубления кризиса рациональности, либо гласом вопиющего в пустыне. О чем этот глас? О необходимости формирования нового образа общества, компоненты которого соответствовали бы компонентам новой исторической реальности - той реальности, которая возникает на руинах просуществовавшей четверть века (1991 – 2016) постсоциалистической Украины.

Для этого, в свою очередь, необходим соответствующий инструментарий – теория, которая позволяла бы формировать гипотезы об этой новой реальности и методология проверки таких гипотез путём эмпирических социологических исследований. Без этого всего социология может обойтись, но тогда она будет изучать идеологическую фикцию - абстрактное, существующее лишь в головах отдельных политиков и экспертов «общество». Этого

общества нет в действительности – как, например, не было в свое время «развитого социализма», успешно описанного в целых томах философов советского периода.

Само по себе обилие эмпирических данных о социальном поведении людей и наличие самых совершенных процедур их обобщения не может выработать теоретического знания, без чего будет невозможно исследование перспектив качественных изменений общества. А без этого невозможны ни адекватная политика, ни адекватные медийные образы, в которых бы видели люди себя как участников общественных процессов. Здесь критически важную роль играет то, какую именно теоретическую ориентацию имеет социологическое познание, каковы его базовые метафоры и «идеальные типы» общества, лежащие в основе теорий и выдвижения исследовательских гипотез.

Общество исследуется социологией как порядок отношений между большими группами людей, в результате которых возникает, удерживается и изменяется структура этих отношений, а поведение отдельного индивида формируется в горизонте фактически усвоенных им ценностей, норм и правил, которым он следует в своей повседневной жизни.

Социальная реальность описывается социологией в рамках двух основных базовых представлений о ней, двух парадигм – парадигмы целостности и парадигмы конфликта.

Одна из них предполагает, что общество представляет собой некий целостный (системный, органический) конструктор с заданными свойствами, которые самовоспроизводятся, стремясь к сохранению устойчивого порядка отношений между образующими общество людьми. В этом случае предметом изучения выступают

такие компоненты общественной жизни, как стабильность, интеграция, функциональная координация, консенсус.

Другая парадигма предполагает, что общество – это пространство разнородных и противоречивых процессов, во взаимодействии которых формируется относительно стабильное во времени и пространстве состояние, которое можно называть социальным порядком. При этом сам порядок выглядит принципиально неустойчивым, он видится как временная система противоречий, а основные проблемы общественной жизни сводятся к поиску механизмов и средств их разрешения. Конфликт видится в этом ракурсе как проявление противоречий, укоренённых в самом устройстве общества. С этой точки зрения изучать общество означает изучать систему образующих его противоречий, а также имеющихся средств их разрешения. Такими средствами выступают социальные институты – право, политика, культура, религия. В рамках такого базового представления предметом изучения становятся такие компоненты, как изменение, конфликт, дезинтеграция, насилие, формы конфликтования, насилие-ненасилие, агрессия, энергия и т.п.

Первая парадигма – это видение общества как стабильной социальной системы, которая развивается от порядка к интеграции, вторая – это видение общества как изменяющейся социальной системы, которая невозможна без конфликтов, насилия и дезинтеграции.

Социология как наука и институт общественной самореференции существует и изменяется в контексте конкретно-исторических процессов и отражает в себе их характер, что выражается также и в парадигмальной её ориентации.

В периоды кризиса и распада социального порядка господствует парадигма социального конфликта – социологи описывают социальные изменения, постигают их новизну, определяют и концептуализируют (представляют в виде понятий и теорий) движущие силы и их носителей, которые производят эти изменения. Это составляет практический смысл социологии в такой период – создавая картину конфликтов, позволяя вырабатывать в ней ту или иную позицию и конструировать инструменты для её реализации в процессах социального взаимодействия. Изучаются различные социальные позиции, формы конфликтности, ресурсы и формы социальной борьбы, производятся технологии регулирования и разрешения конфликтов с различными последствиями для общественного целого.

В наступающий за этим период завершения кризиса, формирования основ нового порядка отношений в обществе, в периоды открытия исторических перспектив его утверждения в различных сферах жизни людей, служащего реализации победивших в прежних процессах борьбы социальных сил и их носителей, доминирует иная парадигма. Общество в этот период понимается как устойчивая система массового поведения, в основе которой лежат определенные стандартизированные нормы и ценности, легитимизируемые тем или иным образом. Изучаются механизмы социального контроля, нормы и девиации, создаются технологии социальной инженерии.

Парадоксом социологического знания в Украине в этом отношении является то, что она, провозглашая нынешний этап общественной жизни социальной трансформацией, переходом от одной социальной системы к другой, продолжает в то же время пользоваться концептуальными средствами, выработанными в рамках

парадигмы системности и целостности.

Социологи в социальной реальности ищут (и находят) черты устойчиво существующей системы – в то время, как последняя уже длительное время как различные сегменты этой системы превратилась в ресурс борьбы разного рода новых и старых социальных сил. Иными словами фактор системности отошел на задний план, актуальные социальные процессы определяют процессы конфликтов как проявления борьбы социальных сил за новый социальный порядок. В политических идеологемах разных субъектов эта борьба видится однозначно, но социология призвана давать знание о полной картине происходящего – **без этого она рискует превратиться исключительно в инструмент идеологического манипулирования и социального контроля, стать фактором борьбы а не источником знания для рационального к ней отношения людей, средством разумного и ответственного выбора граждан в понятной для них ситуации.**

Это проблема социологического сообщества как носителя научного социального мышления - специфического средства описания и понимания социальных процессов.

Попытка описать конфликт как проявление равновесия приводит к абсурду в его понимании, либо компенсируется введением элементов описания, имеющих вне-рациональный характер – ментальность, национальный характер и т.п.

Исторически в постсоциалистических обществах существует предубеждение относительно применения парадигмы конфликта в социологии.

Оно возникло во времена, когда только формировалось и из которых вышло украинское социологическое сообщество. В период УССР считалось, что общество со-

циально однородно, в нем нет системных, сущностных конфликтов, поскольку его основу составляет новая историческая общность «советский народ», имеющий единый интерес и видение коммунистического будущего, что позволяет действовать «всем заодно» в настоящем. Этот родовый след остался и в постсоциалистическом обществе, в основе которого хотят видеть такое же монолитное целое - «народ Украины», понимаемый либо в этнических либо в государственно-политических категориях. Отсюда поиск различий в этом мыслимом тождестве «единой нации» видится как поиск конфликтов, которых в действительности нет. Но это лишь проявление определенного рода культуры социального мышления – когда стремятся закрыть глаза на существующую реальность.

Разумеется, дело не сводится лишь к интеллектуальной традиции, существует и объективная актуальная причина - в таком подходе проявляется также бюрократический характер заказа на социологию, идущий от правящего политического класса.

Общественные процессы в рамках такого запроса должны социологией описываться и пониматься как результат законоустановлений, как вторичная реальность, порождаемая в кабинетах власти – законодательной, исполнительной, судебной или медийной. В рамках такой, по сути идеологической, перспективы видения любой конфликт понимается исключительно как препятствие властвованию, недопустимое сопротивление – чаще всего предумышленное и подрывное. Живое множество разнородных процессов и конфликтующих между собой социальных сил, образующих общество, живущее в процессах трансформации, раскладывается в этой оптике исключительно на категории сторонников и противников власти. В дей-

ствительности же так происходит отрыв правящих групп от социальной реальности, которая затем проявляет факт собственного существования в виде неожиданных потрясений или даже социальных катастроф. Украина находится не в том состоянии, чтобы себе это позволить. Такое видение делает невозможной также бытующую в европейской политической традиции позицию государства-арбитра социальных процессов, отождествляя в сознании процессы общественной жизни и функционирования государственной власти.

Процесс трансформации представляет собой отход от прежней нормативности, возникновение и развитие множества разнородных социальных субъектов, который проявляет себя в неизбежных конфликтах связанных с этим – между трудом и капиталом, между поселенческими общностями разного типа, между поколениями, элитами, этносами и т.д.

Поэтому для описания процесса трансформации современной Украины в социальном познании целесообразно использовать парадигму конфликта.

Рассмотрим некоторые теоретические ресурсы, имеющиеся в социологическом знании о том, как понимать конфликтность.

Принято, что конфликт (от латинского «conflictus», «столкновение») как предмет исследования может быть рассмотрен в контексте двух основных подходов.

В рамках первого подхода, предельно широкой и универсальной интерпретации сущности конфликта, он может рассматриваться как отражение принципиального противостояния различных по отношению друг к другу сторон и граней окружающего нас мира бытия и не-бытия, порядка и хаоса, суши и моря, сакрального и профанного, рационального и иррациональ-

ного, духовного и материального, и т.д.

В рамках второго подхода, более узкой и антропоцентричной интерпретации сущности конфликта, он может рассматриваться как отражение частного случая - противостояния людей - в мире, разделенном на всевозможные противоборствующие стороны принципиальным различием человеческих ценностей, целей, интересов, мировоззрений, средств и инструментов, применяемых в многообразии их практик.

Как мы уже отмечали, в общественном познании сложились два различных теоретико-методологических подхода к пониманию сущности общества.

Первый подход, утверждающий в качестве основной сущности общества понятие «порядок», - это признание общества как стабильной социальной системы, которая развивается от порядка к интеграции, гармонизируя и управляя всеми отклонениями от порядка таким образом, чтобы не разрушить главное качество общества - порядок как системообразующий фактор этого общества.

Второй подход, утверждающий в качестве основной сущности общества понятие «конфликт», - это признание общества как постоянно изменяющейся социальной системы, которая невозможна без конфликтов, насилия и дезинтеграции; в таком подходе главным системообразующим фактором признается именно конфликт.

В том, как именно изучается общество в конкретном случае, определяющую роль играет активно-конструктивистская роль субъекта познания общественных процессов, роль социолога как представителя научного сообщества, находящегося в тех или иных общественных обстоятельствах. Будет ли изучаться социальная реальность как общество-поря-

док или как общество-конфликт зависит от того, какую альтернативу в отношении общества выберет исследователь. При этом в самой социологии конфликта существует много точек зрения на природу конфликта.

Первый подход, социально-биологический, предполагает, что конфликт присущ человеку, как и всем животным по их природе. Исследователи этого направления опираются на открытую английским естествоиспытателем Чарльзом Дарвиным теорию естественного отбора и из нее выводят идею естественной агрессивности человека вообще. В этом контексте был сформирован «социальный дарвинизм» как направление, сторонники которого стали объяснять эволюцию общественной жизни биологическими законами естественного отбора. Основанную на принципе борьбы за существование, чисто социологическую концепцию разрабатывал Герберт Спенсер (1820-1903). Он считал, что состояние противоборства универсально и обеспечивает равновесие не только в рамках общества, но также между обществом и окружающей природой. Закон конфликта рассматривался Г. Спенсером как всеобщий закон, но проявления его должны наблюдаться до тех пор, пока в процессе развития общества не будет достигнуто полное равновесие между народами и расами.

Близкой точки зрения придерживался и американский социальный дарвинист Уильям Самнер (1840-1910), утверждавший, что в борьбе за существование гибнут слабые, худшие представители человеческого рода. Победители (имелись ввиду преуспевающие американские промышленники, банкиры того времени) с этой точки зрения являются истинными творцами человеческих ценностей, лучшими людьми.

В настоящее время идеи социального

дарвинизма имеют немного последователей, но отдельные идеи этой теории оказываются полезными при разрешении нынешних конфликтов. Представители социального дарвинизма дали описание разнообразных конфликтов, выявив различные типы агрессивного поведения людей: территориальная агрессия; агрессия доминирования; сексуальная агрессия; агрессия родителей; агрессия ребенка; моралистическая агрессия; агрессия грабителя; агрессия жертвы по отношению к грабителю. Безусловно, в реальной жизни существует немало проявлений подобных типов агрессии, однако они, к счастью, не носят всеобщего характера.

Второй подход – социально-психологический, согласно которого черты современного индустриального общества неизбежно влекут за собой состояние напряженности у большинства людей, когда нарушается равновесие между индивидом и средой. Это связывается с перенаселенностью, скученностью, обезличенностью и нестабильностью отношений. Социальной подоплекой напряженности выступает фрустрация, проявляющаяся в виде дезорганизации внутреннего состояния личности на социальные препятствия к достижению цели. Явление фрустрации порождается в том случае, если блокируются все возможные пути к достижению цели и может проявиться в реакциях агрессии, регрессии или уходе в себя. Но в рамках такого подхода невозможно определить, на каком уровне напряжения должен возникнуть конфликт. Показатели напряжения, проявляющиеся в конкретной ситуации, являются индивидуальными состояниями личностей и вряд ли могут быть применимы для прогнозирования коллективных взрывов агрессии.

Третий, наиболее известный под-

ход, традиционно называемый классовым, связывает конфликт с определённой социальной структурой как воплощением общественного разделения труда. Среди авторов подобных взглядов на конфликт – Карл Маркс (1818-1883), Фридрих Энгельс (1820-1895), В.И. Ленин (1870-1924), Мао Цзедун (1893-1976); немецко-американский социолог, представитель неомарксизма Герберт Маркузе (1898-1979), американский социолог радикальной ориентации Чарльз Райт Миллс (1916-1962). Не без влияния марксизма сложилась итальянская школа политической социологии, создавшая теорию элит, классиками которой стали Вильфредо Парето (1848-1923), Гаэтано Моска (1858-1941), Роберт Михельс (1876-1936).

Марксистская социология внесла существенные коррективы в господствовавшие представления своего времени о процессах общественного развития, её познавательный потенциал и значение не утрачено и сегодня. Согласно материалистическому пониманию структура общества представлена им четырьмя основными элементами: производительные силы; производственные отношения; политическая надстройка; формы общественного сознания. К. Маркс связывает конфликт в обществе с разделением людей на различные классы в соответствии с их положением в системе общественного производства, с общественным разделением труда. Понять источники и сущность конфликта с этой точки зрения можно лишь поняв объективную, исторически складывающуюся в связи со сменой поколений и независимую от отдельного человека или группы, логику отношений между определяющими общественное устройство классами. Таковыми по Марксу являются буржуазия и пролетариат – основные классы буржуазного общества, между которыми развивается противоре-

чие, ведущее неизбежно к конфликтности. Разрешением классовых конфликтов в разные эпохи становятся социальные революции, в конечном итоге ведущие к созданию бесклассового общества. Пока же классы существуют, будет существовать и классовая борьба, проявляющаяся в виде социальных конфликтов. Конфликт с этой точки зрения рассматривается как неизбежное столкновение, которое нужно правильно организовать и возглавить во имя ускорения развития общества, а неизбежное революционное насилие оправдывается задачами будущего созидания.

Четвёртый подход исходит из того, что конфликт понимается как искажение, дисфункциональный процесс в общественных системах. Ведущий представитель этого направления – американский социолог Толкотт Парсонс (1902-1979) трактовал конфликт как социальную аномалию, «бедствие», которое необходимо преодолевать. Он сформулировал ряд социальных предпосылок, обеспечивающих стабильность общества: удовлетворение основных биологических и психологических потребностей большей части общества; эффективная деятельность органов социального контроля, воспитывающих граждан в соответствии с принятыми в данном обществе нормами; совпадение индивидуальных мотиваций с общественными установками.

По мнению функционалистов, в хорошо работающей социальной системе должен господствовать консенсус, а конфликт не должен находить почвы в обществе.

Близкую к этой позиции точку зрения отстаивали и представители школы «человеческих отношений». Известный представитель этой школы Элтон Мэйо (1880-1949), американский социолог и психолог, один из основоположников

индустриальной социологии, утверждал, что необходимо способствовать установлению мира в промышленности, это главная проблема современности. В своих рекомендациях капитанам промышленности он доказывал необходимость замены индивидуального вознаграждения групповым, экономического – социально-психологическим, подразумевая благоприятный моральный климат, удовлетворенность трудом, демократический стиль руководства.

Со временем оказалось, что ожидания, связанные с деятельностью школы «человеческих отношений», были чрезмерными, ее рекомендации все чаще стали подвергаться критике.

В 50-е годы XXв. стала ощущаться смена теоретической ориентации, наметился возврат к конфликтной модели общества. Критически переосмысливался функционализм, критика в адрес которого была направлена против неспособности дать адекватный анализ конфликтов. Критическому отношению к функционализму способствовала работа американского социолога Роберта Мертона «Социальная теория и социальная структура» (1949), в которой он обстоятельно проанализировал социальные аномалии.

Современное общество в его понимании характеризуется наличием конфликтов, противоречий, несовместимых позиций, обусловливаемых фактом существования разнообразных социальных институтов и содержащихся в них позиций, с которыми связаны вполне определенные образцы видов активности и ожиданий.

Р. Мертон предпринял попытку системного подхода к анализу социальных и культурных источников девиантного поведения.

С его точки зрения социальные структуры играют активную самостоятельную роль в

формировании новых, небιологических и истинно человеческих мотивов, целей поведения людей и одновременно возможностей, средств их достижения. В противном случае остается необъясненным различие в степени и формах отклоняющегося поведения в разных социальных системах. Как отклоняющееся, так и не отклоняющееся поведение в одинаковой степени представляют паттерны (образец поведения, модель) приспособительного поведения и вне определенной социальной системы теряют свой смысл. Он исходит из предположения, что «определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой “нормальный” (так сказать, ожидаемый) ответ на возникающую ситуацию»[5.]. Поэтому задача исследования — показать, в первую очередь, что некоторые «социальные структуры оказывают определенное давление на отдельных членов общества, толкая их, скорее, на путь неподчинения, чем на путь поведения, соответствующего с общепринятыми правилами»[6.].

Согласно гипотезе Мертона несовместимость двух структурных компонентов социальной системы — множества нормативных ценностей, интериоризованных в качестве доминирующих культурных целей и управляющих поведением, и множества социальных норм и законов, определяющих институциональные возможности и способы индивидов добиваться этих целей, — является главной причиной появления отклоняющегося поведения.

С его очки зрения возможны два противоположных состояния социальной системы: первое, когда между целями и средствами их достижения имеется соответствие, и второе, когда его нет. Первое состояние является сбалансированным, бескон-

фликтным, характеризующим поддержку подавляющей части членов социальной системы целей своей культуры и подчинение ее законам и нормам. Между целями и средствами их достижения имеется соответствие. При таком соответствии в качестве доминирующей модели приспособления выступает конформизм (согласие), т.е. осознанная поддержка индивидами обоих компонентов системы, интериоризация целей и институционализированных норм их достижения в качестве ведущих личных мотивов поведения. «Фактически, — замечает Р. Мертон, — только тогда, когда поведение в своей основе согласуется с базисными ценностями общества, можно говорить о том, что некоторое множество людей образует общество» [7.]. Устойчивое равновесие между двумя факторами социальной системы поддерживается до тех пор, пока удовлетворенность индивидом, достигнутыми целями и институционализированными способами их достижения достаточно высока. Однако баланс основных компонентов социальной системы рано или поздно нарушается из-за независимого развития социальных потребностей и выражающих их культурно значимых целей. Если это происходит, возникает структурный конфликт социальной системы.

Второе состояние социальной системы — несбалансированное, конфликтное, названное Р. Мертоном вслед за Э. Дюркгеймом аномией. Данное состояние проявляется, прежде всего, в неспособности большей части членов социальной системы следовать общепринятым нормам и законам. Аномия — главная причина возникновения в обществе структурно обусловленных паттернов отклоняющегося поведения, всех тенденций к изменению его целей и/или способов их достижения. Иными словами, она представляет, согласно Р. Мертону, ведущий динамический

фактор социального развития. Вместе с тем, в отличие от интерпретации данного феномена Дюркгеймом, Мертон указывает на возможность выбора индивидом различных форм отклоняющегося поведения.

Таким образом структурный конфликт социальной системы, или аномия, выражается в возникновении несоответствия, несовместимости провозглашенных системой целей и санкционированных этой же системой средств их достижения. Если, допустим, высшей целью общества провозглашается богатство, измеряемое в деньгах, однако при этом общество предлагает большинству своих членов законные, но, как оказывается, неэффективные способы стать богатыми, тогда возникает несоответствие целей и средств. Чем больше данное несоответствие, тем сильнее члены данной социальной системы подвержены развитию паттернов отклоняющегося поведения, а сама она — переходу в определенное бесконфликтное состояние.

Социальные отклонения могут быть сопряжены как с негативными, так и с позитивными последствиями. Девиантное поведение необязательно рассматривать только как дисфункциональное в отношении эффективного управления группой и перспективам ее развития. Основой для стабилизации социальной и культурной системы могут послужить альтернативные культурные цели.

Результаты, полученные Р. Мертоном, объясняют одну из самых важных причин возникновения конфликтов в социальных системах — структурный дисбаланс между провозглашаемыми целями и гарантируемыми средствами их достижения и, кроме того, влияние социальных ценностей и приоритетов на возможные способы разрешения конфликтов. Р. Мертон оказался прав в том, что одних только психологических

причин недостаточно для возникновения и разрешения социального конфликта. Обязательно должны быть и определенные структурные причины – конфликтность возможно преодолеть изменив общество и то лишь на определенном этапе.

Современные, наиболее популярные концепции социального конфликта, условно названы диалектическими, они исходят из того, что конфликт функционален для социальных систем.

Наибольшую известность среди них получили концепции Льюиса Козера, Ральфа Дарендорфа и Кеннета Боулдинга.

Конфликт рассматривается этими исследователями как неизбежная сторона целостности социальных взаимоотношений людей, то есть не как патология или слабость поведения.

В этом смысле конфликт не есть противоположность порядку. **Мир понимается не как отсутствие конфликта, а как рациональное и созидательное обращение с ним, как рабочий процесс разрешения конфликтов наиболее приемлемым для общества в целом способом.**

Американский социолог Льюис Козер (1913-2003) исходил из того, что не существует социальных групп без конфликтных отношений и что конфликты имеют позитивное значение для функционирования общественных систем и их смены. Стабильность всего общества зависит от количества существующих в нем конфликтных отношений и типа связей между ними. Чем больше в обществе начинают пересекаться различные конфликты, чем сложнее становится деление его на группы, тем труднее становится разделить членов общества на два лагеря.

Отсюда следовал вывод - чем больше

независимых друг от друга конфликтов, тем лучше для единства общества.

В исследованиях Л. Козера конфликты классифицируются на различные типы в соответствии со степенью их нормативной регуляции. Модель, представленная исследователем, подразумевает полностью индустриализированные конфликты (вроде дуэли), а ее противоположностью являются абсолютные конфликты, цель которых заключается не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. Возможность достижения согласия сторон в конфликтах такого рода сведена к минимуму, борьба прекратится только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников.

Конфликт - это не социальная аномалия, а естественная и даже необходимая форма существования и развития социальной системы.

Козер выделил два основных типа социальных систем, по разному влияющих на восприятие конфликтов и на их протекание.

Первый тип - жесткая, деспотически-тоталитарная система - характеризуется неприятием социальных конфликтов как самого явления и отсутствием в связи с этим механизмов для их разрешения и урегулирования.

Второй тип - гибкие системы, открыто признающие наличие конфликтов в социальной жизни и активно практикующие самые разные способы и методы работы с ними. Если для первых систем возникновение серьезных конфликтов связано с дезорганизацией и постепенным разрушением системы, то для вторых - это сигнал о необходимости саморегуляции и реформирования системы в соответствии с новыми требованиями окружающей действительности (конфликт высту-

пает как «страхующий клапан» системы). Главной темой социологии конфликта стало изучение влияния конфликтов на сохранение и восстановление целостности систем, на процессы приспособления общественных структур к требованиям действительности. Доказывая наличие позитивных функций конфликта, Козер пытался дать картину тех факторов, которые способствуют (или, наоборот, препятствуют) такой интеграции.

Среди них важное место занимает, например, вовлеченность индивидов в групповую структуру - чем теснее связи между людьми в группе, тем больше конфликт в таких группах имеет негативные последствия. В тех же случаях, когда люди вовлечены в групповую деятельность частично и являются одновременно участниками не какой-то одной социальной группы, а целого ряда разных групп, конфликты играют созидательную функцию - поддерживают необходимый баланс сил, предотвращая концентрацию эмоций на какой-либо одной проблеме и не допуская раскола общества.

Ральф Дарендорф определяет современный конфликт как конфликт между ресурсами и притязаниями. Следует понимать, что экономический прогресс сам по себе не уничтожит ни безработицу, ни бедность. Класс большинства обрел относительно удобное существование, защищает свои интересы так же, как это делали другие правящие классы, не стремится разорвать круг лишений людей, опустившихся до положения деклассированных. Напротив, в смутное время он активно выталкивает некоторых своих сограждан за порог общества и там удерживает, защищая положение находящихся внутри. Как и прежние господствующие классы, они находят достаточно причин необходимости таких границ и готовы «впустить»

тех, кто приемлет их ценности. При этом доказывают, что границ между классами быть не должно. Они хотят устранить барьеры, разделяющие общество, но совершенно не готовы что-либо делать для этого. Класс большинства проводит границы не только горизонтально, но и вертикально (расово-этническая проблема).

Дарендорф пишет, что прелести многонационального общества пропали даром для большинства, скорее пекущегося о соблюдении межрасовых барьеров, чем о достижении открытости. Такое состояние в обществе - шаг назад в истории развития гражданства. Необходимы позитивные действия: предоставление меньшинствам и другим обездоленным некоторых социальных льгот при получении образования и найме на работу. Возник новый тип «подмоченного» либерализма, отказывающегося от великих завоеваний в области всеобщих гражданских прав и норм ради того, чтобы удовлетворить сепаратистские требования национальных меньшинств. Права меньшинства изначально были неверно поняты и вследствие этого превратились в правление меньшинства.

Вторая опасность - опасность аномии (в социологию понятие «anomie» ввел Эмиль Дюркгейм, определивший его как временную утрату социальными нормами действенности в результате экономического или политического кризиса. Такое состояние в обществе лишает людей коллективной солидарности, чувства связи с обществом, вследствие чего для многих единственным выходом из ситуации становится самоубийство. Роберт Мертон дополняет определение, трактуя его как «конфликт норм в культуре», когда люди не способны подчиниться ценностно-нормативной системе общества).

Деклассированных людей почти не ин-

тересуют текущие проблемы общества. Они пребывают как бы в летаргии, поэтому не оказывают сопротивления обществу. Их интеллект не хватает на организованную защиту своих интересов, они способны лишь на «оголтелый мятеж». Это возможная причина, почему люди, неспособные выбиться из нищеты, не объединяют свои силы и не идут на приступ столиц, требуя для себя полноценного гражданства, отмечается в «манифесте Коммунистической партии». Маркс и Энгельс дают отрицательную оценку тем, кого они называли «люмпен-пролетариатом». По их словам, эти «отбросы общества» являются «пассивным продуктом гниения самых низших слоев старого общества».

Деклассированные элементы – чужаки в обществе. Это не только их положение в обществе, но и мировоззрение. Общество для них недостижимо. Для них оно сводится к полиции, суду и, в меньшей степени, к государственным учреждениям и служащим. Такое отношение стало свойственно не только безработным и беднякам. Например, молодые люди также склонны заимствовать ценности у социальных низов.

Дарендорф полагает, что в современном обществе не возникло никакого сравнительного нового конфликта.

Маловероятно, что отношения между классом большинства и деклассированными приведут к социальным столкновениям. Однако возникла другая проблема: класс большинства не уверен в устойчивости своего положения, колеблется, когда дело доходит до соблюдения правил, придуманных им же самим. Еще большая опасность – состояние аномии не может длиться долго. Ее опасность состоит в том, что она может привести к тирании.

Американский социолог и экономист К.

Боулдинг в работе «Конфликт и защита. Общая теория» отмечал, что «все конфликты имеют общие элементы и общие образцы развития и именно изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении». Основную методологическую нагрузку это положение несет как в «общей теории конфликта», так и в правовой по интерпретации. Ориентация на позитивное исследование конфликта еще более усилилась когда кризисные события поставили под сомнение идею о равновесном состоянии общества.

К. Боулдинг утверждал, что конфликт неотделим от общественной жизни (в природе человека – стремление к борьбе с себе подобным) и выделял два аспекта социального конфликта – статический и динамический.

К статическому относится анализ сторон (субъектов) конфликта (личности, организации, группы) и отношения между ними (профессиональные, религиозные, этнические).

К динамическому относится изучение интересов сторон как побудительных сил в конфликтном поведении людей. Это есть совокупность ответных реакций сторон на внешние стимулы.

Под влиянием идей К. Маркса, представители «критической теории» - неомарксисты, обосновывают собственный подход, обычно отрицая доминирующую роль экономических факторов в развитии общества. С точки зрения Антонио Грамши, выделение частной собственности не является достаточной гарантией лидерства и влияния правящего класса, ему необходима поддержка других членов общества, а государство не может всегда действовать в интересах собственников средств производства. Кроме того, куль-

тура общества, средства массовой информации, образовательная система, идеи – всё это оказывает большое влияние на поддержание политической стабильности.

Представители Франкфуртской критической теории разрабатывали неомарксистские взгляды, опираясь как на западный позитивизм, так и на марксистский сциентизм, критикуя и ту и другую позиции.

Так, наиболее яркий представитель Франкфуртской школы Ю. Хабермас, развивая идеи Маркса, утверждает, что позднекапиталистическое государство может воздействовать на экономику, отодвигая коллапс экономической системы на неопределённое время. Более того, современное государство настолько внедрилось в экономическую жизнь, что стало частью бизнеса.

Хабермас полагает, что классовый компромисс стал неотъемлемой частью общественной жизни развитых стран.

Другие представители этой школы, Герберт Маркузе и Теодор Адорно, представили свою позицию как альтернативу классическому марксизму в отношении оценки интегрированности современного общества. Этот подход опирается на концепцию общества как системы тотального, всепроникающего контроля, а все сферы жизнедеятельности, регулируемые системой, – экономика, политика, искусство, образование, религия, семья, право, рассматриваются как проявление господствующей рациональности – способа восприятия, осмысления и организации человеком окружающего мира и своей жизни.

Британский исследователь Дэвид Локвуд углубил предположенное марксистами различие «системного» и «социального» конфликтов положением о том, что «системный конфликт» возникает при отсутствии гармонии и ста-

бильности между разными институтами: например, когда действия в рамках политической системы противоречат потребностям подсистемы экономической. «Социальный конфликт» в его видении является межличностным и возникает только в рамках социальных взаимодействий.

Несмотря на все многообразие социологических подходов к пониманию конфликта, следует помнить, что они выработывались в контексте конкретных исторических процессов – как средства их понимания и практического управления обществом. Социальная ситуация начала двадцать первого века беспрецедентна и требует выработки новых подходов – в том числе и теоретических.

Горизонт социологии конфликта открыт – на порядке проблемы понимания и описания процессов макроисторического и глобального масштабов, не найдя решения которых сложно говорить о перспективах стратегического видения перспектив следующего за постсоциалистическим периода трансформации современных обществ.

По-прежнему требуют теоретического осмысления «большие вопросы» – продолжается ли распад СССР? Возможен ли капитализм после социализма? Какая форма капитализма возможна в странах постсоциалистического лагеря? Какова перспектива процессов деиндустриализации постсоциалистических обществ, в чем основа их общности и солидарности?

Выводы

Чтобы обществу выйти из парадигмы «Украина, её друзья и враги», необходимо описать Украину как качественно меняющуюся социальную реальность, увидеть её не как стабильную систему, а как множество

текущих процессов с открытыми характеристиками, набором возможностей и перспектив. Увидеть динамику и перспективы сегодняшних социальных изменений возможно, используя потенциал теоретических подходов к изучению общества, разработанных в рамках парадигмы конфликта.

Эти перспективы и могут стать предметом политического самоопределения, предметом практического диалога вместо сложившейся нынче в политикуме «бесконечной войны в одиночной камере». Возможно, на этой основе может сложиться социальный альянс возникающих новых политических субъектов и социологического сообщества.

Сосредоточенность на количественных исследованиях общества как воспроизводящей себя системы не даст ответа на вопрос, каковы его качественные изменения, каково соотношение между этими качествами и какие открываются перспективы развития этих соотношений, что за система может сформироваться из сегодняшней новой исторической «точки перехода», обозначенной приходом в политику постсоветского поколения.

В свою очередь, знание о противоречиях и конфликтах является необходимым условием для их регулирования наиболее благоприятным для всего общества образом. Европейская традиция гуманитарной мысли и практики свидетельствует о том, что пройти путь выхода из конфликта без фундаментальных малоуправляемых кризисов, путём ответственного диалога, можно лишь на основе рационализации тех противоречий, которые спрятаны под покровами иррациональных конструктов общественного сознания. **В этом смысле социология – это язык мира, ибо она, позволяет увидеть все стороны ответственного конфликта, вочеловечить**

их как носителей различных взглядов, формирующих их поведение в конфликте и создать предпосылки к диалогу вместо насилия. В этом её сегодняшнее важнейшее общественное призвание исходя из специфики переживаемого обществом исторического момента.

Связь науки и практики всегда представляла проблему как для одной, так и для другой, поскольку наука без практики уходит в не востребованные абстракции, а практика без науки рассыпается в детали и частности, парализующие друг друга. Со временем выясняется, что абстракции науки имеют величайшее значение для практики, а практическое применение созданного знания дает импульс дальнейшего развития. Обычно такое происходит во времена социальных изменений, это и есть содержательная сторона того, что принято называть революцией в позитивном смысле этого понятия.

Принято считать, что социальное знание можно осваивать фрагментарно, можно усвоить любую теорию, в нем нет необходимости усвоения предварительного массива так называемого обязательного знания. Изучил человек метод эмпирического исследования и уже «готовый социолог», изучил актуальную экономическую теорию и уже «экономист». Такой специалист действительно способен функционировать в рамках социологии как специфического социального института, когда общество представляет собой стабильно развивающуюся систему отношений. Но он оказывается неспособным воспринимать проблематику, связанную с необходимостью изменения практик социологического исследования обусловленного изменением самого общества. В естественных науках, например, математике или физике, построение ученым собственного знания

понимается подобно строительству башни, построить верхние этажи которой невозможно, не построив всех нижних. Мир вошел в эпоху фундаментальных перемен миропорядка и мироустройства и в этих условиях фундаментальное гуманитарное знание требует такого же подхода.

В сложившихся условиях развитие собственно теоретического фундамента социологии воспринимается как задача для любителей социальной схоластики – в лучшем случае этим можно заняться для получения научной степени. Эта точка зрения получила значительное распространение под влиянием специфики заказа на социальное знание – традиционно власть в позднесоветский и постсоциалистический период видела в нем исключительно средство для реализации собственных решений, но не средство их выработки. На этом выросли поколения социологов, политологов, экономистов, культурологов.

В последние десятилетия стал возникать запрос на социальное познание со стороны бизнеса – особенно в части исследования рынков и выстраивания организационной культуры. Но и он ограничивается по большей мере проведением эмпирических исследований сложившихся процессов, не устремлен в будущее.

В таких условиях запрос на фундаментальные теоретические исследования социальной реальности со стороны власти и бизнеса приблизился к нулю.

Такое состояние связано не только с изменениями общественных практик, но и с процессами, которые происходят в самой науке. Опыт отношения прикладной и теоретической составляющих научного познания позволяет посмотреть на ситуацию несколько иначе, чем это делают нынешние «про-

свещенные бюрократы от науки» сегодня.

Можно вспомнить как, благодаря сильной французской математической школе в 1920-е годы XXв., в мировой науке между математикой и естествознанием стал расти разрыв. Тогда французские математики выступали за самодостаточную абстрактную математику. Позже на Западе доминировала идеология наподобие «религиозной теории чисел», которая через математика Андре Вейля пропагандировала идею, что великие математики не должны опускаться до прикладных вещей в естественных науках. Поэтому сообщество западных математиков оторвалось от реальности больше, чем математики в СССР. Известно немало случаев, когда обнаруживалось, что доказательства решения целого ряда знаменитых математических проблем из-за своей сложности никем не проверялись много лет, рядовых же исследований в этой области вообще почти никто не читал. В СССР были другие акценты – после войны на математиков вынуждали искать применение своей науки прежде всего в прикладной сфере – в проектах в атомной и ракетной промышленности. До 60-х г.г. произошел взрыв открытий, связанных с воплощением фундаментальной науки в прикладную. Затем этот импульс иссяк. «В 1960-е годы в СССР возник спор между вычислителями, приверженцами первых ЭВМ, и чистыми математиками. Вычислители говорили, что истинное развитие математики – это вычислительная математика. Даже вышла такая статья в советском духе – мол, скоро приверженцев чистой математики, которые говорят друг с другом на птичьем языке, будут показывать в зверинцах. Правда, за последующие 10 лет математики поняли важную вещь – вычислители не могут выучить теоретическую физику, а «чистые математики» могут. С помощью математических методов

были открыты целые миры кварков, новые скрытые степени свободы в микромире. В итоге физики стали говорить о том, что чистая математика это настоящая наука, а вычислители - что-то вроде ремонтных бригад.» [8.]

Можно предположить, что нечто подобное происходит в последние годы и в современной украинской (да и не только в украинской) социальной мысли – востребованные обществом прикладники-«вычислители» отмечают необходимость развития «чистого знания», относясь к этому как бесплодному занятию, схоластическому оперированию абстракциями. **Отечественные гуманитарии после отхода от присущей им в советские времена роли «носителей абсолютного знания» с 90-х г.г. усвоили роль «технологов» - ремонтных бригад, которых вызывают для решения практических задач действующие политики и бизнесмены.**

Такое положение носителей «чистого знания» в известной мере небезосновательно – в бюрократической атмосфере позднесоветского периода эта сфера научной деятельности действительно и деградировала и выродилась в «коммунистическую схоластику», замененную после 1991г. «демократической схоластикой».

За десятилетия независимости социологическое теоретизирование в лучшем случае сводилось к усвоению на отечественной почве западных теоретических наработок, запрещенных ранее в СССР. Эту работу было необходимо проделывать, но по этой причине теоретическая мысль была ориентирована на вторичность по отношению к возникающим на Западе гуманитарным знаниям. Происходила теоретическая колонизация процессов общественной саморефлексии. В худшем же случае речь шла о паразитировании на новом для гу-

манитарного сообщества знания – компиляции, плагиате и примитивизации теории «на хлопский розум» в атмосфере политического заказа на развитие социальной мифологизации происходящих процессов.

Однако всему свое время – мантры о «демократическом транзите» перестали работать, новое поколение находится в поиске собственного пути в будущее, довольно скептически (если не сказать хуже) относясь к наработанному в последние десятилетия гуманитарному знанию.

Постсоциалистический период жизни Украины пришел к завершению и общество стоит перед вызовами нового исторического этапа изменений, которые будут происходить в процессе взаимодействия новых социальных сил, которые сложились на предыдущем этапе. Необходимо понимать специфику этих сил и характер противоречий между ними. Все более актуальной задачей становится выработка нового актуального знания о специфике того нового состояния, в которое входит мир и Украина как его часть.

Нужно новое мышление – в самом прямом понимании этого слова, мышление, открывающее видение пути из настоящего в будущее. Это сродни открытию новой области знания, что невозможно без новой теоретической базы.

Разумеется, мы не живем на «глобусе Украина» и можно надеяться на возникновение новых социальных теорий в ближнем и дальнем зарубежье, где есть люди, занятые «чистой теорией». Будет ли это новый традиционализм, метамодернизм, возврат ли к традиционному марксизму, новые-новые левые, экологические или теократические теории, произойдет ли новый синтез гуманитарного знания и возникнет новая метатеория – в любом слу-

чае по факту происхождения новое знание будет связано с решением иных практических проблем, чем те, с которыми сегодня имеет дело наше общество, даже не отдавая при этом себе в этом отчета. Так может исторически сложиться реальная новая перспектива того, что Украина может выйти на очередной виток трансформаций, результатом которых станет её состояние также отличающееся от нынешних представлений о будущем, как отличается нынешнее состояние обустройства жизни от тех представлений, которые лежали в основе стратегических видений образца 1991 года.

Второе десятилетие двадцать первого века завершилось новой социально-исторической ситуацией – к власти пришло первое поколение, выросшее в условиях постсоциалистического общества. В вооруженном конфликте изменилось и само общество – произошел обвал индустриальной экономики, множество людей покинуло страну, части территории стали неподконтрольны центральной власти. Пришло время подводить исторические итоги предыдущего периода трансформаций нашего общества, начавшихся с обретением государственной независимости и они весьма неутешительные, но без такого подведения невозможно создать точку опоры для дальнейшего движения.

Украина завершила период «демократического транзита», демонтировано социальное государство и к власти пришли носители радикальной рыночной идеологии, которые. Используя противоречия и расколы в прежнем политическом классе, они стремятся установить новый порядок жизни в стране, закрепив его в политико-правовых формах.

Значит ли это, что бывшая социалистическая Украина стала капиталистической, похожей на остальной мир? Значит ли это, что

капиталистический переход у нас всё-таки состоялся, и все системные различия с другими странами стёрты? Как относиться к пониманию того, что «постсоциализм отмечен определённым эпистемологическим отношением доминирования: он появился как аналитический инструмент западной академической школы для осмысления того, что происходило в бывших соцстранах в начале 1990-х. Производство знания под маркой «постсоциализма» отражает сугубо западные дискурсы, подходы и претензии на знания о Востоке»? [9.]

Возможно, завершение постсоциалистического этапа жизни страны означает не конец различий между западными обществами и Украиной, а то, что мы больше не связываем различия с социалистическим прошлым и должны найти более эффективные способы их определения.

Социальная парадигма конфликта уместна при выработке политики – когда нужно знание о точках и силах изменения общества, путях выхода за сложившиеся регуляторные и кажущиеся непреодолимыми социальные обстоятельства. Проблема выработки политик в условиях современной конфронтационной социальной реальности требует взгляда на общество не как на источник истин и знания о нем, которому необходимо следовать политикам, а с точки зрения необходимости его переустройства в соответствии с новой исторической перспективой реализации человеческого потенциала. Стоит прислушаться к современному французскому философу А. Бадью, который настаивает на том, что сутью политики является производство радикально нового состояния общества, порывающего со сложившимся порядком, привычными устоями воспроизводства социальных связей и институтов. Так, он подчеркивает, что «политика, в противо-

положность политическому, являющемуся размеренной мыслью о социальном и его представительстве, не прикована к социальному, но совсем наоборот, составляет исключение из него» [10.]. Если политическое, в трактовке А.Бадью, всецело нацелено на фиксацию наличного общественного состояния, на обслуживание функционирования в его собственном режиме, то политика сопряжена с радикальным отрицанием такового, созданием своеобразной альтернативной реальности. Тезис Бадью о важности постоянного поиска сценариев будущего, которые могут создать аль-

тернативу сложившейся конфигурации власти, санкционирующей наличный вариант глобального социально-экономического мироустройства периода «позднего капитализма», безусловно выглядит заслуживающим внимательного обсуждения. Продуктивным моментом его построений является идея необходимости альянса философии и политики во имя создания прорыва в иные регистры возможного существования человеческого сообщества.

~